

она стремится дать последователю Платона, подобно «Моралиям» Плутарха, здравые практические советы. То же самое, но более твердо, можно сказать и о политике в трудах средних платоников. Политика стала опасной областью для самобытного мышления.

Перевод с английского *Т. В. Антонова*

А. В. СИТНИКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЕДИНОМУ И ХРИСТИАНСКИЙ ПУТЬ СПАСЕНИЯ (о различиях между религией Плотина и патристикой)

Мало известно, что думал Плотин об официальной римской религии своего времени. Вероятно, его чувства можно описать как вежливое равнодушие, граничащее с презрением. Во всяком случае он не испытывал к ней никакого уважения. Когда однажды Плотину предложили пойти в языческий храм, он сказал: «Пусть боги ко мне приходят, не я к ним!» Так же он относился и к христианству. Порфирий, его самый верный ученик, христианство определенно презирал.

Говоря о религии Плотина, мы имеем в виду его учение о том, как достичь высшего блага и в конечном итоге единения с Умом, а через него — с первоначалом бытия — Единым. Важнейшее понятие плотинской философии религии — возвращение. Всякая тварь по своей природе стремится вернуться к источнику, из которого она произошла¹. Вселенная строго подчинена упорядоченной иерархии, и существуют жестко установленные этапы возвращения. Эти этапы невозможно обойти, ибо восхождение к Единому должно включать в себя свертывание всего того, что было развернуто. Попытаться проскочить какой-то этап значило бы совершить ложное восхождение. Именно в этом убеждении Плотина и заключается причина его антипатии к гностицизму (см. Энн. II, 9). По мнению Плотина, гностицизм — это неистинная религия, потому что пытается обойти объективные законы и правила. То же сказал бы Плотин о христианах: они подчинили

¹Плотин проводит различие между феноменальным и реальным желанием: несмотря на то, что все сущее представляется внешним, на самом деле оно стремится к источнику своего бытия.

© А. В. Ситников, 2002

метафизику своей Библии, для них Священное Писание выше законов бытия. Главное учение христианства — искупление человеческого рода, совершенное Иисусом Христом, — совершенно чуждо мысли античного философа. Единственно возможный путь духовного восхождения для Плотина — восхождение средствами умозрения.

Церковные писатели были знакомы с трактатами Плотина: выдержки из Эннеады (V, 1) приводит Евсевий Кессарийский², хорошо известен отрывок из «Третьего слова о богословии» Григория Назианзина, содержащий ссылку на Плотина³. Как отразилось это знакомство на богословствовании святых отцов? Главным образом на уровне внешних форм мысли. Воспринимался преимущественно формальный язык неоплатоников — образы, выражения, отдельные термины. Прежде всего в учении о неизреченности, невыразимости Божества, об опытном характере богопознания. Лучше всего об этом пишет Григорий Нисский:

Как относительно лучей солнца, кто не видел его свет от рождения, тому бессмысленно и бесполезно объяснять словами, что такое свет, ибо сияние лучей не может быть воспринято с помощью слуха. Так об истинном и умопостигаемом свете каждый должен иметь свои глаза, способные к созерцанию этой красоты: кто ее видел по божественному дару и невыразимому вдохновению, тот сохраняет неизъяснимое изумление в тайне своего сознания; а кто не созерцал эту красоту, тот не узнает даже чего он лишен. Как действительно рассказать ему о благе, которое ему не дано? Как представить его взору невыразимое? Мы не научены словам, которые могут передать эту красоту, никакой пример из всего сущего не годится для этого, никак нельзя изъяснить это с помощью сравнения. Кто же станет уподоблять Солнце малой искре или маленькую каплю воды сравнивать бесконечным океаном? Какое имеет отношение малая капля к океану или крохотная искра к бесконечному сиянию Солнца. Так же и все, чем люди восхищаются как прекрасным, имеет отношение к той высшей красоте, которую созерцают в первоначальном благе, которое выше всякого блага⁴.

² *Eusèbe de Césarée. La Préparation Evangélique. Livre XI (Sources chrétiennes, 292). Paris, 1982. P. 132–134.*

³ В этом тексте Григорий Богослов подчеркивает различие между христианским учением о Боге и представлением античного философа: «Поэтому изначальная монада, перемещаясь в диаду, остановилась на триаде. Отец — рождающий и изводящий, что же касается двух других, то Один — рожденное, а Другой — изведенное. И мы не посмеем называть это “излиянием благодати”, о котором один из греческих философов осмелился говорить как о некоей чаше вина, содержимое которой переливается через край, когда он явно писал таким образом умствуя о первой причине и о второй. Поэтому, оставаясь в наших пределах, вводим Нерожденного, Рожденного и *от Отца Исходящего*, как говорит в одном месте сам Бог-Слово». Gregoire de Nazianze. Discours 27–31 (Discours Theologiques) (Sources chrétiennes, 250). Paris, 1966. P. 180.

⁴ Цит. по: *Grégoire de Nysse. Traité de la virginité (Sources chrétiennes, 119). Paris, 1966. P. 372.* — На нескольких страницах трактата «О девстве» встречается множество выражений и образов, которые не просто есть у Плотина, но собраны у него на нескольких страницах двух Эннеад. Сравнение со слепорожденным (X, 1, 15), возможно, было заимствованно из текста Эннеады I, 6, 4. Это же можно

«Естественный» путь богопознания и для Плотина, и для святых отцов пролегает от созерцания космоса к пониманию, что за его красотой, гармонией, целесообразностью и согласованностью должно быть Первоначало, благодаря которому только и возможно само мироздание. «Небеса поведают славу Божию, о делах рук Его вещает твердь» (Пс. 18,2).

Влияние неоплатонизма касалось «акциденций», но не «субстанции» христианского вероучения. Патристика и философия Плотина достаточно резко дисгармонизировали друг с другом, момент отталкивания у них явно преобладает над моментом сближения. Само содержание платонизма было лишь в незначительной степени воспринято христианскими богословами, а воспринятое подверглось глубокой модификации⁵. В неоплатонической традиции на вершине восхождения открывается сверхчувственное, интеллектуальное, или «умное», созерцание. При этом Плотин исходит из представления о совершенстве души человека, на чем стоит его уверенность в возможности совершенного познания всякой вещи. Учение о мировом уме как порождающем начале мира идей и постулат божественности души — две предпосылки гносеологии неоплатонизма. Любая мыслимая Умом сущность становится реальностью, а сам Ум не содержит в себе «ничего такого, что не было бы его собственной мыслью». Простым своим существованием, т. е. мышлением, Ум порождает «умопостигаемый мир» — место всех идеальных форм, точнее, сами идеи в их самосозерцании. Утверждается, что душа божественна, и, следовательно, чтобы узреть умопостигаемый мир, ей достаточно освободиться от всего чужеродного и вспомнить свою изначальную природу. Тогда душа будет созерцать мир идей в себе, ибо в своей подлинной сущности она имеет с ним родство, является его «истечением». Необходимый порядок бытия нельзя мыслить иначе, чем он есть, и, поскольку душа причастна миру идей, то он может быть доступен ее опыту, она может восстановить его во всех подробностях. Не будет ошибкой сказать, что «нус» объемлет и содержит всяческую душу, и не только Ум может быть доступен для человека, но в глубине души его находится даже первый проблеск обладания Благом. Если существующий космос вытекает из самомышления Ума, то мысль может вывести все элементы и порядок бытия, познать в полноте все основные формы и идеи, поэтому

сказать о фрагменте X, 1, 22 (Энн. I, 6, 4; I, 6, 7), где Григорий Нисский говорит об изумлении, охватывающем душу, когда она созерцает прекрасное, пребывающее превыше всякого блага. Это представляется решительным доводом в пользу наличия литературного влияния.

⁵См. об этом: *Сидоров А. И.* Некоторые проблемы ранневизантийской философии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985 год. М., 1986. С. 206–219.

неоплатонизм обнаруживает стремление дать полное объяснение мира и бытия⁶.

Христианские учителя, в частности Василий Великий и Григорий Нисский считали, что мы знаем вещи только по их действиям или проявлениям, и это так же в отношении Бога — мы знаем Его проявления, энергии, но не Его сущность. Познание не есть познание сущности. В вещах мы различаем непознаваемую сущность и то, что ее сопровождает, но не является сущностью — действие, проявление. Только это мы можем познать. Имена и понятия создают люди силою данного им «примышления». Имена и выражаемые ими понятия не именуют естество вещей, их сущность. Мы не знаем существа вещей. Связь имени и предмета творческая и свободная, создаваемая силою разумения. Имя, — пишет Василий Великий, — примышляется к вещам. В познании всегда остается некий непознанный «остаток», экзистенциальная основа, ускользающая от всякого интеллектуального анализа. Ни один предмет не постижим в своей сущности, и бытие никогда не исчерпывается мыслью. Человек не может охватить умопостигаемый космос. Патристическая традиция не стремится вывести мыслью тот порядок, из которого строится существующий мир. Тварь не может быть постигнута, исчерпана мыслью. Познающее «я» никогда не способно охватить всей полноты бытия, его сущность и, тем более, содержать его в своей духовной природе. Напротив, смиренномудрие всегда считалось одной из главных добродетелей христианства и основой всякого совершенства.

Поведал о себе авва Антоний: «Я увидел все сети дьявола распростертыми поверх земли. Увидев их, я воздохнул и сказал: “Горе роду человеческому! Кто сможет освободиться от этих сетей?” На это мне было сказано: “Смиренномудрие спасается от них, и они не могут даже прикоснуться к нему”⁷.

Важнейший этап возвращения к Единому в неоплатонизме — это очищение души от всех следов материи, и всего, что с ней находится в контакте. Плотин говорит, что душа истинно благая отворачивается от материи и полностью предается Умопостигаемому. Путь очищения — «возвращение» к собственной природе. Душа для Плотина не является по существу ниспадшей и из-за этого ниспадения «злой», имеющей склонность к злу. Согласно Плотину, душа по существу есть благое бытие и нужно только быть очищенной от связи с материей, чтобы совершенно и всецело проявиться как божественное и совершенное бытие. Достижение совершенства души через очищение — следствие

⁶Это подводит к тому, чтобы отказаться от понятия творения, без которого невозможно говорить о христианской мысли. См. подробнее о связанных с этим проблемах: *Endre I. Plato Christianus. La reception critique du platonisme chez les Pères de l’Eglise.* Paris, 1990. P. 426–432.

⁷*Игнатий Брянчанинов.* Отечник. М., 1996. С. 31.

того, что душа находится в единстве и непрерывности с божественным, и, следовательно, по существу блага. Тогда «напластования» зла могут сколько угодно приставать к душе, но никогда не могут окончательно ее поглотить. Связь с материей умаляет, затемняет свет души, но никогда его не погасит. Поэтому удаление «наслоений» материи приведет к изначальной чистоте и блеску души, очищению ее божественной природы. Очищение, отрицание материи, однако, не высшая цель, а лишь необходимый предварительный шаг. Плотин говорит, что есть нечто большее. Прежде погружения в материю было совершенство, и совершенство вновь проявится после исчезновения материи, но само по себе очищение не есть высшее благо для души. Благо не может быть просто чем-то отрицательным. Цель для души — воспринимать идеи, прозревать их, подниматься в умопостигаемый мир. Благо очищенной души в том, что она видит Идеальный Мир⁸.

Христианская религия понимает очищение совсем в ином смысле⁹. Просто вернуться к своей природе человеку явно недостаточно, да и бессмысленно — это ложный путь. Естество человека не божественно, а тварно; после грехопадения оно омрачено грехом — между человеком и Богом пропасть. Кроме того, созерцание «мира идей» ничуть не приближает к спасению, но, напротив, может даже заслонить от человека Творца.

Пришли однажды к авве Зенону братья и спросили его: «Что значит написанное у Иова: *Небеса нечисты в очах Его* (Иов 15,15)». Старец сказал на это: «Братья оставили исследование своих грехов и взялись за исследование небесного. Значение же этих слов таково: чист — один Бог, и потому Писание сказало, что Небо нечисто перед Ним».

Христианский путь спасения весьма далек от интеллектуального восхождения. Очищение в христианстве — это покаяние. *Надлежало, —* говорит Евангелие, *— пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию*

⁸См., напр.: *Pistorius P. V. Plotinus and Neoplatonism. An Introductory Study.* Cambridge, P. 140.

⁹Хотя патристическое умозрение часто использовало термины, несущие явственную печать античной духовности. Так, например, у св. Григория Нисского не раз встречается близкая к неоплатонизму терминология, хотя в нее вкладывалось новое содержание. В частности в трактате *О девстве* встречается метафора о гное на глазах, замутняющем око души (XI, 6,5). Она не встречается ни у Платона, ни у Филона Александрийского, но она есть во фрагменте Энн. I, 6,9: «Кто очистил все силы своей души от всякого порока, для того становится ясным, что единственно прекрасно по своей природе. Как чистый от гноя глаз ясно видит все находящееся на небе, так и душа, которая по нерастленности приобретает способность созерцать этот свет: истинное девство и усердие к нерастленности приводит к цели, состоящей в том, чтобы с их помощью видеть Бога. В самом деле, в истинном смысле первая и единственная красота, благо и чистота есть Бог всяких существ» (XI, 6,5. Цит. по: *Grégoire de Nysse.* Op. cit. P. 396).

и прощению грехов (Лк. 24, 46–47). Исаак Сирийский выразил суть совершенства и всего христианского подвига «в трех следующих вещах: в покаянии, в чистоте, и в усовершенствовании себя. Что такое покаяние? — Оставление прежнего и печаль о нем»¹⁰. Подобно тому, как потемневшая икона обретает свой изначальный свет, так и в покаянии обновляется человеческая природа, человек встает на путь преображения естества. Искусству покаяния посвящена почти вся святоотеческая литература.

Брат спрашивает авву Пимена: «Я сделал великий грех и хочу каяться три года». «Много», — говорит ему авва Пимен. «Или один год», — говорит брат. «И то много», — сказал опять старец. Бывшие у старца спросили, не довольно ли сорока дней. «И этого много», — сказал старец. — Если человек покается от всего сердца и более уже не будет грешить, то и в три дня примет его Бог»¹¹.

Поскольку любой грех — это оскорбление Творца (*грех есть беззаконие*, 1 Ин. 3,4), то только Он может освободить людей от греха, спасти, искупить нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою (Гал. 3,13). Христианские понятия покаяния и сокрушения о грехах чужды платоновской философии. В учении Плотина «ниспадение» душ не имеет оттенка вины, оскорбления Божества (что, безусловно, в большой степени присуще христианству). Поэтому у Плотина совсем не требуется прощения людей и их искупления. Путь духовного совершенствования в неоплатонизме движется в иных координатах — это не отношения между творением-личностью и Личностью-Богом, а возвращение к себе, исцеление.

Успешное восхождение «от внешнего к внутреннему, от низшего к высшему» должно включать и этическую сторону. Невозможно порочному человеку подняться к высшему благу. Для построения высшего нельзя миновать этап низшей добродетели. Хотя этика у Плотина и отходит на задний план, однако эта составляющая философии так же важна. Плотин, как и многие греческие философы, не считал, что обретение высокой степени нравственного совершенства излишне для созерцания Блага и для единения с ним. Это Плотин ясно высказывает в отрывке VI, 7,36,6–10, говорящем о том, как достигается союз с Благом. Наряду с созерцанием чувственных вещей и умственным восхождением мы, пишет Плотин, продвигаемся навстречу Единому с помощью добродетелей. Нравственное совершенствование тесно связано с обретением интуитивного знания и видения. Выделяя и подчеркивая значение созерцания, Плотин отводит место и другим добродетелям. Они являются предварительными ступенями на пути к высшему благу. Плотин не был безразличен к общественным делам,

¹⁰ Исаак Сирийский, преп. Творения. Сергиев Посад, 1911. С. 298–299.

¹¹ Древний патерик. М., 1914. С. 30.

и они являются для него необходимой, предварительной ступенью на пути к совершенству. Порфирий сообщает нам, что Плотину было дано разрешение императором Галлиеном и его женой Салониной восстановить город в Кампании и управлять его территорией согласно правилам и законам Платона. Порфирий добавляет, что этому воспрепятствовали некоторые императорские советники из зависти или других недобрых побуждений¹².

Плотин не разделял этическую и умственную деятельность; как и многие греческие мыслители, он считал, что философ должен быть в высшей степени нравственным и благим человеком. Интеллектуальное спасение невозможно без освоения добродетелей более низкого порядка. Каждый человек обычно обладает так называемыми естественными, или гражданскими, добродетелями, от которых продвигается к более совершенным и духовно отмеченным добродетелям. Лишь после естественных добродетелей появляется мудрость. Плотин принимает четыре основные гражданские добродетели Платона, а именно: мудрость, храбрость, умеренность и правосудие. Первая — отличительная добродетель разума, вторая — эмоциональной сферы, третья сопрягает в себе разум и эмоции, и последняя относится к отношениям между людьми¹³. Эти добродетели имеют, конечно, значение только в сфере межчеловеческого общения, пока мы проходим нашу жизнь здесь. В Эннеаде 1,2 Плотин говорит, что, конечно, в Идеальном Мире не могут находиться какие-либо гражданские добродетели. Им там не место. Эти добродетели могут относиться только к душам, которые находятся в некоторых отношениях с другими людьми, но подобные отношения немислимы в Идеальном Мире. Совершенство, к которому приводят гражданские добродетели, помогает достигать определенной степени схождения с Божеством, ибо высшему миру свойственны порядок и гармония, к которым мы привыкаем в этой земной жизни. Однако путь совершенствования включает этическую составляющую ради тех добродетелей, которые позволяют увидеть за телесностью бестелесное, т. е. «очистительных», и, тем более, ради самых высших добродетелей — «созерцательных», дающих гнозис и богоподобие.

Для патристики цель и высшее благо — обожение человека, непосредственное созерцание Бога, единение с Ним. Так же как в неоплатонизме высшее благо не является моральным благом, но принадлежит более высокому уровню. Оно осмысляет и направляет моральное поведение. На этом зиждется этика: она выдвигает как стоящую выше всех остальных ценность жизни вечной, но ее обретение невозможно без

¹² Порфирий. Жизнь Плотина // Плотин. Сочинения. Плотин в русских переводах. СПб., 1995. С. 657–658.

¹³ Подробнее см.: Pistorius P. V. Op. cit. P. 143.

соблюдения морального закона. Однако христианство придает большее значение земной жизни человека, подчеркивая, что исполнение морального закона и любовь к ближнему есть необходимое условие обретения жизни вечной (Мф. 1, 16–22). Неоплатоническое «умное восхождение» христианство отвергло как слишком эгоцентричное — ориентированные на личное совершенствование «мудреца» и фактически отрицающие достоинство тех, кто не достиг мудрости. Это отвержение мы встречаем даже у Оригена, который достаточно высоко ставил интеллектуальное восхождение. При всем родстве с платонизмом Ориген в седьмой книге «Против Цельса» пишет, ссылаясь на платоновский *Тимей*, что мысль о невозможности познания Бога у Платона верна, но, поскольку Бог воплотился, то Слово Божие доступно всем (7,42). Только немногие избранные философы могут, согласно Платону и Цельсу, увидеть Бога, причем приложив большие усилия. Цельс даже делает упрек христианству за то, что оно обращается ко всем людям. Для Цельса спасение было привилегией немногих философов и не могло быть доступно всем. Ориген, представляя христианскую традицию, это не принимает. Он считает, что видение Бога дается как благодать всякому, кто обращается к Нему и необязательно, чтобы человек был философ. Это весьма важный момент — то, что для Цельса, представлявшего древнюю философскую традицию, было привилегией элиты, то в христианстве становится доступным каждому человеку¹⁴.

Более того, обращаясь к святоотеческим источникам, мы должны сказать, что в них и сам подход к совершенству не просто сильно отличается от платонической традиции, но, скорее, даже противоположен многим ее интенциям. Важнейшая черта христианской святости — смирение: *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем (Мф. 12,29)*:

Однажды некие люди, имея при себе человека, одержимого бесом, пришли в Фиваиду к старцу, чтобы он исцелил его. Старец после многих прошений говорит демону: «Изыди из творения Божия!» Демон сказал старцу: «Выхожу, но спрошу у тебя об одном: скажи мне, кто суть козлища в Евангелии, а кто агнцы?» Старец сказал: «Козлища — это я, а агнцев знает Бог». И демон, услышав, возопил гласом велиим: «Вот я исхожу по твоему смирению», — и вышел тотчас¹⁵.

Смирение — это такое отношение к действительности, которое соответствует метафизической ситуации человека. В своем наиболее чистом виде суть всех христианских добродетелей заключена в смирении. Оно включает в себя признание нашей сотворенности, ясное осознание того факта, что мы все получили от Бога. Антитеза смире-

¹⁴Цит. по: *Daniélou J. Origène. Paris, 1948. P.117–118.*

¹⁵Древний патерик. Там же. С. 47.

нию — считать себя частью абсолюта, пусть даже малой. В этом «пантеистическом» случае дистанция между нами и абсолютом трактуется в количественных терминах, и, таким образом, мы как бы имеем свою долю в абсолюте и его величии. Божественному миру человек противопоставляет себя как равный равному, не признавая свою тварность. Как часть абсолютного целого человек сам себя считает абсолютом и тогда никакая встреча с Богом-Личностью невозможна. Смирение — основное условие и главная посылка спасения и всех других добродетелей. Противоположное ему — гордыня — не только отравляет изнутри все доброе и лишает добродетель ее ценности перед Богом, но является первопричиной любого зла (в том числе греха Адама и Евы).

В чем своеобразие и отличие религии Плотина от религии как таковой? Мы знаем, что согласно Плотину душа достигает своего высшего состояния путем интеллектуального восхождения. Созерцание красоты чувственного космоса подводит нас к видению красоты интеллектуального мира. Плотин не игнорирует этическую составляющую, хотя она для него только предварительная ступень, которую проходят на пути к высшему благу. Моральный закон низшего чувственного мира не отменяется и для совершенного мудреца. Напротив, поскольку он достиг Блага, его действия на более низком уровне, на котором его душа остается, пока находится в этом мире, должны быть нравственно лучше, а не хуже, чем прежде. В этом Плотин несколько не уступает христианству, восхождение к Единому не отличается у него каким-либо отсутствием морального достоинства. Различия мы видим в отсутствии именно того, что имеет прямое отношение к религии — у Плотина нет таинств, обрядов, молитв¹⁶. Это отсутствие объясняется двумя причинами. Во-первых, какие-либо молитвы и обряды не нужны для Плотина, ибо вся философия — это некое религиозное действие. Философия означает для Плотина не просто решение интеллектуальных проблем (хотя и это тоже). Погружаясь в занятие философией, человек некоторым образом готовит свою душу к тому, чтобы видеть сущность вещей и созерцать высшую реальность. Другая причина в том, что Плотин отрицает какое-либо действие по спасению людей со стороны Блага. Поэтому не требуются специальные обряды, устанавливающие символическую связь с действием Бога. Уже в своем вечном, неизбежном излиянии Благо дает человеку все, что нужно для его спасения — оно дает ему такое бытие, которое укоренено в нем и направленно назад к нему¹⁷.

¹⁶ Поздние неоплатоники обратились к различным магическим практикам. Уже Порфирий много писал о различных видах гадания и магии. Биографическое предание о Ямвлихе доносит до нас образ тайновидца и чудотворца, который вызывает демонов и т. п.

¹⁷ Это объяснение предлагает А. Армстронг См.: *Armstrong A. H. Plotinus // The*

Что касается личного религиозного опыта Плотина, о котором упоминает Порфирий¹⁸, то об этом опыте мало что можно сказать. Одно не вызывает сомнений — Плотин не был оккультистом. «Слияния» с божественным началом он добивался средствами умозрения, не прибегая к иным методам. О магии и различных видах гадания он никогда не писал, и, по всей вероятности, не думал. Портрет Плотина не имеет ничего общего с образом тайновидца и чудотворца, вызывающего демонов. Многие из того, что Плотин говорит о Едином вдохновлено идеями Платона и основано на доводах, которые гораздо ближе к научному реализму, чем к мистицизму¹⁹. Те элементы в мысли Плотина, которые можно обозначить как мистические, нелегко отделить от его гносеологии.

Для неоплатонического мистицизма характерна тенденция рассматривать единение с Первоначалом в терминах слияния с Божеством, отождествления с ним, поэтому «спасение» обретается человеком ценой отречения от своей личности. Христианский подвижник стремится к обожению, стремится «стать богом», но в его устах эти выражения имеют другой смысл. Хотя в христианском обожении на первый план выступает момент преобразования человеческой природы, преодоление ее временной и пространственной ограниченности, тем не менее «стать богом» для него не значит всецело, до потери своей личности, отождествиться с Божеством. Обожение означает для него только наивысшее приобщение к Божественным совершенствам путем уподобления своей личности Божественной Ипостаси²⁰. Христианская мистика сохраняет в человеке самое дорогое для него — его свободу, его личность, и поскольку она рассматривает общение с божеством как общение личностей, она, в отличие от неоплатонической, может быть названа мистикой личности. Христианский святой в своем восхождении никогда не достигает тождества с Богом. Абсолют открывается всегда как «другой». Григорий Нисский, аллегорически толкуя восхождение Моисея на Синайскую гору, описывает мистическое восхождение души к Богу как бесконечный полет: чем больше душа устремляется за Ним, чем больше Его познает, тем более Он ускользает от нее.

Истинное созерцание Бога состоит в том, чтобы никогда не насыщаться в своем влечении, но, постоянно взирая на Него, при том, что уже удалось увидеть, все

Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy. Cambridge, 1967. P. 260.

¹⁸ «Сближение и воссоединение с всеобщим богом есть для нас предельная цель: за время нашей с ним близости он [Плотин] четырежды достигал этой цели» (*Порфирий. Жизнь Плотина*. С. 665).

¹⁹ *Gerson L. P. Plotinus. The Arguments of the Philosophers*. London, 1998. P. 218.

²⁰ *Минин П.* Главные направления древне-церковной мистики // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 341–342.

же гореть желанием узреть еще больше. И поэтому нет такой границы, которая могла бы прервать восхождение человека к Богу, ибо не найдется предела у блага, и никакое насыщение не прекратит влечения к Нему²¹.

Чем более душа полна Богом, тем более обнаруживает она Его трансцендентность. Соединение твари с Творцом есть тот бесконечный полет, в котором расстояние между душой и божественной сущностью непрестанно сокращается и всегда остается бесконечным. Бог в Своей сущности всегда остается недостижимым.

А. Ф. Лосев предлагает простое и достаточно очевидное объяснение внеперсональным тенденциям платиновского богопознания: языческие неоплатоники, «не имея опыта личности, не называли свое первоединство личностью, а понимали его математически, эстетически, понятийно, не давая ему никакого собственного имени и не признавая за ним никакой священной истории»²². Библия же, напротив, являет нам личностного Бога. Ветхий Завет есть история, летопись деяний Бога по отношению к Им избранному народу. Новозаветные события — вхождение Бога в историю, когда Слово Божие воплотилось, вочеловечилось: «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1,18). Библия повествует о Божиих деяниях, а предвечные тайны в ней раскрываются через историю. Сын Божий входит в человеческую жизнь, являет Себя обычным людям в повседневной земной истории. В Воплощении невидимое становится видимым, Предвечный Логос становится явным и прикосновенным. Слияние с Ним невозможно.

М. М. ШАХНОВИЧ

ПРОБЛЕМА СЕКУЛЯРИЗАЦИИ И ТЕОЛОГИЯ ЭПИКУРА

На первый взгляд, теология (т. е. учение о боге) Эпикура кажется противоречащей основному содержанию философской системы мыслителя, отрицающего сотворение мира и провиденциализм. Поэтому, например, стоик Посидоний полагал, что Эпикур был убежден в отсутствии богов, а высказывания о бессмертных богах нужны были ему, дабы избежать ненависти и обвинений в безбожии.

Цицерон по этому поводу заявлял, что Эпикур, «беззастенчиво позволяющий писать все, что ему угодно», насмеялся над людьми (ND

²¹ *Grégoire de Nyssse*. La vie de Moïse (Sources chrétiennes, 1 bis). Paris, 1987. P. 270.

²² *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Книга I. М., 1992. С. 82.

© М. М. Шахнович, 2002